

М. И. Драгомировъ во время Австро-Прусской войны ¹⁾.

боевыхъ приемахъ генерала Штейнмеца и объ его необыкновенной твердости Мих. Ив. Драгомировъ рассказывалъ мнѣ въ то время, когда мы съ нимъ въ одинъ очень жаркій, свѣтлый солнечный день поднимались, уже не въ первый разъ, вдвоемъ на гору Юганнисбергъ въ Наугеймъ.

— Я уже не говорю — рассказывалъ М. И. — о дальнѣйшихъ, болѣе мелкихъ соображеніяхъ, которыя этотъ генералъ приводилъ, доказывая невозможность или излишество производства смѣны атакующихъ частей. Когда установлено разъ навсегда неизмѣннымъ правиломъ, что идущія на приступъ части не смѣняются, и назначеніе ихъ состоитъ въ томъ, что онѣ должны довести дѣло до успѣшнаго конца или, — будемъ говорить прямо, — обрекаются на уничтоженіе въ случаѣ, если не сумѣютъ достигнуть успѣха, — то все дѣло стоитъ на нормальной, здоровой точкѣ, на точкѣ общаго для всѣхъ руководящаго начала и это самое важное въ смыслѣ цѣлестижимости.

„Возьмемъ такой моментъ: часть атаковала и отступила; вы ей позволяете остаться въ этой недоконченной роли; развѣ всѣ чины, шедшіе въ атаку, съ одинаковымъ чувствомъ примутъ это? нѣтъ, нимаго, а въ хорошо обученныхъ и богатыхъ высокимъ боевымъ духомъ частяхъ много найдется такихъ людей, которые это „отставленіе отъ обязанности взять позицію“ сочтутъ для себя обидой; они, вслѣдствіе этого, конечно не упадутъ духомъ, но задумаются,

¹⁾ См. „Русск. Стар.“ октябрь 1911 года.

въ нихъ разовьется недовольство; они не начнутъ роптать только благодаря желѣзной дисциплинированности и неизмѣнной склонности къ повиновенію; разнообразіе же настроенія въ части—будь то капральство, взводъ, отдѣленіе, рота или батальонъ,—ведетъ къ ослабленію духа части; вѣдь единство расположенія духа части является однимъ изъ главныхъ элементовъ нравственнаго устоя.—Вотъ и выходитъ, что, покидая установленную нормальность въ приемахъ и въ дѣйствіяхъ, вы порождаете ослабленіе подчиненной вамъ части.—Никто не окажется въ состояніи недовольства, если знаетъ, что разъ навсегда, идя въ своей части на приступъ, онъ закончитъ его или полнымъ успѣхомъ или своею гибелью, которая въ свою очередь,—онъ это твердо знаетъ,—должна служить залогомъ успѣха для другихъ частей—для всей арміи. Вотъ положеніе опредѣленное, ясное, точное, категорическое, а какъ это важно, объ этомъ и говорить не приходится“.

Эти крайнія рѣчи и убѣжденія генерала Штейнмеца, говорилъ Мих. Ив., больше и больше раскрываютъ его, какъ рѣзко опредѣленнаго человѣка и указываютъ на цѣлую массу совершенно особыхъ взглядовъ его и людей ему подобныхъ; съ такимъ человѣкомъ идетъ много такихъ же, какъ онъ, голворѣзовъ (не въ дурномъ смыслѣ) и рождается цѣлая школа, открывающая путь къ суворовскому величію.

Мы вотъ съ вами поднимаемся на эту мирную гору, въ мирное время, при самой мирной обстановкѣ; еще вчера въ разговорѣ мы рѣшили подняться на нее; значитъ, задались одною цѣлью; сегодня рано утромъ сошлись у подножія этой благодатной, богатой виноградниками возвышенности, идемъ бодрые, одинаково подкрѣпленные ночнымъ отдыхомъ и одинаково увѣренные въ томъ, что до цѣли дойдемъ.—Въ настоящую минуту мы дошли до половины этого склона и уже начинаетъ сказываться различіе нашихъ желаній и намѣреній; это различіе обуславливается не капризомъ вашимъ или моимъ; вѣтъ, вы какъ болѣе молодой, сильный, здоровый, идете себѣ, безопасно подымаясь выше и выше, а я болѣе слабый, одолаваемый одышкой, подумываю о томъ, какъ бы полегче, да поскорѣй уже очутиться тамъ наверху, или пожалуй не присѣсть ли отдохнуть, а то еще, пожалуй, не прекратить ли эту пробу силъ, не счесть ли, что довольно поднялись, не пора ли и вспять; и ужъ конечно, если бы мы подняли вопросъ объ этомъ вслухъ, да стали бы его обсуждать, какая разногласица вышла бы у насъ; а если бъ еще вдобавокъ рѣшено было бы (вѣрнѣе сказать, если бы у насъ рѣшилось) спуститься обратно,—сколько горечи явилось бы въ вашихъ чувствахъ, сколько недовольства въ васъ народило бы

такое рѣшеніе въ то время, когда я, быть можетъ, обрадовался бы тому рѣшенію.

А вѣдь насъ только двое. Почему же это такъ? да потому, что мы отступили бы отъ рѣшенія принятаго съ самаго начала, отъ рѣшенія, которымъ задались еще вчера, съ которымъ шли сюда, сходились къ намѣченному пункту; потому, что измѣнили бы себѣ.

Какъ же правъ былъ Штейнмецъ, указывая на этотъ резонъ между прочими безконечными поводами держаться принятаго имъ пріема съ цѣлыми частями! Несомнѣнно правъ и математически точенъ: тамъ у него, установленное разъ навсегда, неизмѣнное, хотя и жестокое, правило, твердо исполнять приготовились сотни или тысячи людей (не двое), всѣ они неизбѣжно обязательно пронизаны одинаково; у одного это сходится съ его высокимъ, если хотите, геройскимъ духомъ, у другого нѣсколько не вяжется съ его правомъ малодушнымъ,—но всѣ одинаково пропитаны, у каждаго всѣ чувства, помысленія и желанія направлены къ одному и тому же: къ обязательству взять или умереть;—вдругъ является среднее рѣшеніе,—отойти, испытывать все, что вызывается отсутствіемъ твердости и неполнымъ исполненіемъ долга; вотъ и пошелъ въ части тотъ развалъ,—который создаетъ изъ нея слабосильный элементъ арміи. А если въ этой арміи одну часть постигнетъ такая бѣда, и другую, и третью,—во что обратится вся армія и чего она, кромѣ жалости, будетъ заслуживать?—Не дай Богъ!

Та армія, въ которой все это можетъ чувствоваться съ тѣмъ мужествомъ, съ какимъ несомнѣнно чувствовалъ Штейнмецъ,—носить въ себѣ залогъ непобѣдимости.

* * *

— Почему, спрашивалъ не разъ Мих. Ив. какъ бы самого себя, австрійская армія, состоявшая всегда, не менѣе, чѣмъ всякая другая нѣмецкая, изъ безусловно развитыхъ, храбрыхъ солдатъ, офицеровъ и генераловъ, хорошо вооруженная, обученная и въ изобиліи снабженная всѣмъ необходимымъ, — вообще была всегда и вездѣ всѣми неизмѣнно бита?

Потому, говорятъ многіе, вспоминая обиліе въ ней разноплеменности, что она состояла и состоитъ „изъ множества языковъ“. Потому, съ увѣренностью твердятъ другіе, что вооруженіемъ она всегда отставала отъ противника, съ которымъ ей приходилось имѣть дѣло, а также развитостью не достигала до него и храбростью была много слабѣе.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Мих. Ив. съ увѣренностью твердо убѣжденнаго человѣка, этого мало; къ этому надо мимоходомъ добавить общую „безпринципность австрійца“; но и это не все; причина

кроется не только въ этомъ; причина главнымъ образомъ та, что въ высшихъ чинахъ австрійской арміи никогда не было и быть не могло необходимѣйшей самоувѣренности; не знала она благороднѣйшей, образцово выработанной въ Пруссіи несмѣняемости тѣхъ чиновъ и вообще начальниковъ отдѣльныхъ частей; во всѣ времена, искони вѣковъ, была она заѣдаема тупѣйшимъ воздѣйствіемъ гофкригсрата, притуплявшаго всякую сообразительность въ арміи и замораживавшаго волю въ тѣхъ начальникахъ.

Нападки на гофкригсратъ, — на это давнее порожденіе іезуитизма, — далеко не представляютъ собою чего-либо новаго, свѣжаго; эти нападки, практикуемые, какъ способъ доказательства также издавна, уже успѣли въ достаточной мѣрѣ измельчать, почти опошлелись и во всякомъ случаѣ обратились въ нѣчто избитое. — Указаніе же того противовѣса, который подчеркнуть М. И. Драгомировымъ во время его ближайшаго знакомства съ одной изъ лучшихъ въ мірѣ армій и съ достоинствами ея близкихъ къ идеалу военачальниковъ, является чрезвычайно солидною новинкою въ дѣлѣ веденія детальныхъ сужденій о результатахъ того или иного „подхода къ путямъ побѣдъ и возможности широкаго на этихъ путяхъ размаха“.

Разбираясь въ такихъ дѣлахъ и желая быть въ нихъ определенно точнымъ, говаривалъ Мих. Ив., не надо и нельзя стыдиться отмѣчать и надо стараться не пропускать подчеркивать тѣ мелочи, которыя безусловно доказательны; онѣ только кажутся мелочами, а въ сущности являются многозначущими и, лишь не будучи въ-время отмѣчены, обращаютъ всякія на нихъ основанныя сужденія въ общія мѣста, значить, становятся какъ бы безплодными, малозначущими и пустыми.

* * *

Собственно гофкригсратъ въ Австріи, какъ учрежденіе, можетъ быть уже давно уничтоженъ; но его дѣло, его способность вмѣшиваться въ дѣйствія и распоряженія отдѣльныхъ начальниковъ до такой степени привилась, пріобрѣла права гражданства, что австрійская армія „безъ какого-нибудь гофкригсрата“ обойтись никогда не могла и не обходится; если и не дѣйствуетъ настоящій „узаконенный“ гофкригсратъ, его функціи принимаетъ на себя какой-либо штабъ, какое-либо управленіе, какая-либо высшая канцелярія, или эти функціи исполняются какимъ-нибудь, вѣсь и связи имѣющимъ, фельдмаршалъ-лейтенантомъ единолично. — Такъ или иначе, не тотъ такъ другой, кто-нибудь да выплыветъ и возьметъ на себя обязанность критиковать распоряженія всѣхъ и cadaго изъ начальствующихъ лицъ; — кто палку взялъ, — тотъ и капралъ; не успѣетъ онъ хорошенько ухватиться за эту палку, какъ уже всѣмъ въ арміи

становится извѣстнымъ, что вся суть въ немъ, что центръ составляетъ и распорядителемъ судьбы развѣнчиваемыхъ военачальниковъ состоитъ онъ,—этотъ всеильный фельдмаршалъ-лейтенантъ, обычно бездарнѣйшій и самъ не несущій ни въ чемъ рѣшительно никакой отвѣтственности, субъектъ.

Результатъ этого всегда одинъ и тотъ же,—быстрое парализованіе самостоятельности начальниковъ, нерѣдко начиная съ главнокомандующаго, обезволеніе и обезличеніе ихъ,—значить, полное отнятіе возможности доставленія пользы своей арміи,—иначе хотя и неразсчитанное, но не менѣе того преступное, вѣроломное оказаніе помощи врагу, служеніе его интересамъ, прислуживаніе въ его пользу.

* * *

Для пруссаковъ въ 1866-мъ году было до очевидности ясно, въ какой мѣрѣ австрійскіе военачальники являлись трусами,—не въ смыслѣ малаго проявленія храбрости и мужества въ дѣлѣ вступленія въ огонь, въ бой, а въ отношеніи рѣшимости взять на себя и выдержать съ твердостью отвѣтственность за то или иное свое же распоряженіе и довести до конца ими же намѣченное.

Часто тамъ же, на боевыхъ поляхъ, въ минуту благодушнаго разсужденія въ своемъ кругу о результатахъ того или другого, только что окончившагося боя, прусскіе военные начальники говорили: не своей распорядительности и доблести мы сегодня обязаны, такой счастливый исходъ сраженія далеко не всецѣло себѣ должны мы приписать; мы, правда, съ своей стороны сдѣлали все къ тому, чтобы этотъ тяжелый день завершился успѣхомъ для насъ, но большое спасибо должны мы сказать командиру такого-то австрійскаго корпуса или такой-то австрійской дивизіи, — не выдержалъ онъ до конца; такъ у него ладно шло дѣло по началу, и вдругъ онъ, видимо, перемѣнилъ свои намѣренія, — испугался критики сверху или со стороны, вспомнилъ, что „Бенедекъ“¹⁾, или кто-нибудь старшій, сурово смотритъ на него откуда-нибудь и уже разрываетъ его на части.

Такой разговоръ былъ очень похожъ на шутку, но, въ сущности, въ немъ шутки было немного; болѣе чѣмъ на три четверти въ немъ бывало обыкновенно чистой правды. Помимо прекрасныхъ качествъ арміи, большая часть кампаніи,—можно смѣло сказать,—была пруссаками выиграна только съ одной стороны изъ-за того, что всѣ распоряженія высшихъ начальниковъ у нихъ исполнялись

¹⁾ Главкомандующій австрійской арміи, дѣйствовавшей противъ пруссаковъ въ Богеміи.

въ полнѣйшей точности низшими и что вообще ихъ командиры были разъ навсегда ободрены собственною самоувѣренностью, порождавшею довѣріемъ къ нимъ, высоко стоявшихъ надъ ними начальниковъ, учителей-наставниковъ,—много, съ другой стороны, имъ помогало отсутствіе такой самоувѣренности въ начальникахъ у ихъ противника. Зная твердо объ этомъ отсутствіи, пруссаки, какъ извѣстно, пользовались имъ съ большимъ искусствомъ.

Въ австрійской арміи не только начальники большихъ частей, а они несомнѣнно больше, чѣмъ командиры частей малыхъ, свою неувѣренность выказывали ясно, отнимая изъ за-нея у себя и у своихъ частей всякую возможность успѣха; въ каждомъ отрядномъ начальникѣ, въ каждомъ, самостоятельномъ дѣйствовавшемъ командирѣ части извѣстнаго рода оружія, трусость не только передъ врагомъ, но и передъ своимъ же братомъ, стоявшимъ или поставившимъ себя гдѣ-то выше его, выказывалась до очевидности:

пѣхотный начальникъ съ мужествомъ начнетъ атаку, затѣмъ, какъ бы смѣшавшись, останавливаетъ ее на полпути, боясь осужденія за то, что подвергаетъ свою часть риску зайти слишкомъ далеко, остаться безъ поддержки со стороны резерва или что создаетъ себѣ положеніе быть легко обойденнымъ;

кавалерійскій начальникъ, съ большимъ эффектомъ, кидается преслѣдовать врага и вдругъ прерываетъ это преслѣдованіе въ такой моментъ, когда остается лишь въ одну минуту довести ударъ до полного пораженія преслѣдуемаго непріятельскаго отряда;

солидный артиллерійскій командиръ, занявъ съ большимъ расчетомъ и умнѣемъ превосходную боевую позицію, крайне удачно громитъ противопоставленную ему прусскую батарею; но, въ то время, когда обозначился явный успѣхъ его дѣйствій—онъ, безъ всякой видимой причины, прекращаетъ огонь, снимается съ позиціи и уходитъ, предавая себя не только успѣшному обстрѣлу врага, но прямо разстрѣлу.

Въ этомъ случаѣ и у храбраго пѣхотинца, и у лихого кавалериста и у искуснаго артиллериста защемяло волю одно и то же,—соображеніе о томъ, что гдѣ-нибудь, по близости, уже народилось осужденіе смѣлыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій cadaго изъ нихъ. Этими и подобными разсужденіями Мих. Ив. съ большимъ раздраженіемъ пересыпалъ свои разсказы объ австро-прусской кампаніи, въ особенности когда касался послѣдняго, роковаго для Габсбургской монархіи и для ея арміи, дня этой необыкновенной, всѣхъ изумившей, войны XIX вѣка.

— Утрировки въ этомъ съ моей стороны, говорилъ онъ, положительно нѣтъ никакой; я твердо убѣжденъ въ томъ, что именно

изъ-за этой критикоосудительной системы, а главное благодаря ей полновластію, въ австрійской арміи не могло народиться такихъ генераловъ, какіе въ изобиліи вырабатывались тогда въ прусской арміи. Не что иное, какъ эта же система была причиной того, что въ Австріи званіе военнаго вообще и генерала не считалось особенно почетнымъ и заманчивымъ; отъ этого и могло случиться, что, въ минуту необходимости выбора главнокомандующаго, пришлось его искать среди разнаго сброда; не было того регулярнаго состава генераловъ, прошедшихъ военную и боевую школу, изъ которой, какъ изъ готоваго кадра, можно было бы прямо взять готоваго полководца и посадить его главнымъ надъ всѣми.

Избранный въ концѣ концовъ Бенедекъ не былъ и не могъ считаться съ общей точки зрѣнія такимъ генераломъ, за которымъ водилось что-либо, дававшее право спокойно поставить его во главѣ правильно-подготовленной и организованной арміи и послать ее, вступить подъ его начальствомъ въ равную борьбу съ вполне регулярной арміей, какою была армія прусская. Онъ имѣлъ скорѣй какое-то цыганское прошлое, смѣшанное съ чѣмъ-то, свидѣтельствовавшимъ объ его,—самое большое,—партизанской подготовкѣ.

— Бенедекъ и Фридрихъ Карлъ! или Штейнмецъ и Бенедекъ! воскликнулъ Мих. Ив.; эти двѣ величины нельзя сопоставлять, онѣ совершенно несравнимы, несоразмѣримы; нельзя, добавлялъ онъ въ шутливомъ тонѣ, при сравненіи разныхъ сортовъ чего-либо одинаковаго, ставить на одну доску, ну хоть бы ананасъ и капусту или персикъ и картофель.

Про Бенедека можно сказать, что онъ, будучи сыномъ очень бѣднаго человѣка,—фармацевта,—въ сущности, въ карьерѣ своей, продвинулся богатырскими шагами на неизмѣримую высоту и это благодаря постоянному проявленію непримѣрной личной храбрости; не будучи вовсе подготовленъ теоретически, онъ поднялся на высоту только потому, что служилъ въ Австріи; австрійскіе порядки давали къ этому возможность.—Отличаться онъ началъ въ 1848 году: въ большомъ сраженіи подъ Наварою онъ, командуя полкомъ, счастливыми дѣйствіями рѣшилъ побѣду цѣлаго корпуса; слѣдующее его отличіе было большое, но не такое, какое вообще выпадаетъ въ европейской войнѣ на долю офицера регулярной арміи,—въ томъ же 1848 году при обложеніи итальянской крѣпости Брешии, онъ передѣлся капуциномъ, пробрался въ городъ, все высмотрѣлъ и, благодаря этому, взялъ городъ или, вѣрнѣе, способствовалъ взятію его.

Подъ Сольферино (въ 1859 году) только онъ одинъ со своей дивизіей не былъ побитъ, а напротивъ нанесъ пораженіе итальянцамъ; долго послѣ того онъ рассказывалъ, какая несправедливость

выпала на его долю: ему пришлось отступить только потому, что отступила вся армія.—Послѣ этой войны (франко-австрійской за Италію) Бенедекъ былъ назначенъ главнокомандующимъ въ Венеціанскую область.

Кромѣ храбрости и энергіи, онъ вообще проявилъ еще всѣ тѣ качества, которыя создали ему громадную любовь среди солдатъ; онъ цѣнилъ эту любовь и дѣлалъ все къ тому, чтобы она была вполне заслуженною; при этомъ врядъ-ли очень сильно брезгалъ исканіемъ популярности, сказалъ бы Штейнмець.

Всѣхъ этихъ качествъ и заслугъ недостаточно было для того, чтобы быть поставленнымъ во главѣ войскъ, которыя готовились дѣйствовать противъ лучшей изъ европейскихъ армій. — Онъ умѣлъ направлять войска къ достиженію намѣченной цѣли, но далекъ былъ отъ умѣнья намѣчать цѣль.

Рутинно изучивъ итальянскіе театры войны, онъ могъ бы оказаться въ Италіи полководцемъ похожимъ на прусскаго, но видъ изученаго онъ долженъ былъ рѣшительно пасовать. Сознавалъ это и онъ самъ.

При самомъ назначеніи его на должность главнокомандующаго вышло нѣчто такое, что могло выйдти только въ пропитанной интригами арміи, какою всегда представлялась австрійская. Къ моменту объявленія пруссаками войны, Бенедекъ командовалъ войсками въ Италіи; къ Пруссіи, какъ извѣстно, присоединялась Италія, война предполагалась на два фронта, и Бенедеку, какъ хорошо знавшему и армію, занимавшую итальянскія провинціи и самый характеръ мѣстности въ нихъ и въ Пьемонтѣ, естественно было остаться тамъ.

Но совершенно неожиданно для всѣхъ, въ томъ числѣ и для него, онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ арміей, которой предстояло дѣйствовать на богемско-австрійскомъ театрѣ войны, эрцгерцогъ же Альбрехтъ, еще болѣе неожиданно для всѣхъ, кромѣ его самого, сталъ во главѣ арміи, приготовившейся къ дѣйствіямъ въ Италіи.

* * *

Какъ ни равнодушно въ Австріи все, т. е. и народъ и армія, къ тому, что происходитъ, какъ ни привычны всѣ въ дунайской имперіи ко всевозможнымъ и невозможнымъ интригамъ,—эта комбинація вызвала общій ропотъ, въ которомъ слышались отзывы о томъ, что эрцгерцогъ, выбравъ себѣ легчайшую задачу, избравъ себѣ прямой „путь къ пожнанію лавръ за счетъ Бенедека“, съ тѣмъ вмѣстѣ, предалъ Австрію, обрекъ ее на лишній и вѣрный шансъ понести пораженіе, т. к. во главѣ ея арміи поставилъ своего замѣстителя,

совершенно незнакомаго ни съ арміей, ни съ предстоявшимъ театромъ дѣйствій. Самъ замѣститель Бенедекъ былъ объ этомъ того же мнѣнія,—онъ ясно понималъ, чувствовалъ, сознавалъ это и отъ должности упорно отказывался; но его съумѣли успокоить и разными, въ сущности, обманными доводами, убѣдили принять фатальное командованіе.

Слѣдствіемъ этого вышло то, что, какъ этотъ генераль ни былъ храбръ и энергиченъ, пришлось ему нерѣдко падать духомъ, а также терять остатки и безъ того небольшого запаса собственной инициативы; къ этому присоединилось еще и то, что самостоятельность, обѣщанная ему въ минуты уламыванья принять должность, была рѣшительно отнята отъ него: ни одинъ изъ ближайшихъ помощниковъ не былъ ему данъ согласно его желанію, а какіе ч были назначены, то не на тотъ постъ, на который онъ дерзалъ ихъ готовить.

Все это несомнѣнно шло къ выгодѣ пруссаковъ.

Въ прусской арміи, съ самаго начала кампаніи, Мих. Ивановичу приходилось слышать по этому поводу относительно эрцгерцога Альбрехта такіе разговоры: „слава Богу, эта хитрая лисица прекрасно обставила себя въ нашу пользу“.

Дѣйствуя съ неизмѣнною личною храбростью, Бенедекъ съ первыхъ дней своими войсками распоряжался и съ ними выступалъ робко, на каждомъ шагу показывая, что, если онъ и былъ, до нѣкоторой степени тактикомъ, то стратегомъ не былъ вовсе.

Нерѣдко Мих. Ив. касался деталей, выставлявшихъ направленіе дѣятельности и способностей Бенедека; приведеніе ихъ показало бы съ моей стороны отступленіе отъ взятой на себя задачи; оно заставило бы меня слишкомъ углубиться собственно „въ описаніе кампаніи“, чего я отнюдь не бралъ на себя, какъ о томъ и высказался въ началѣ этого „очерка воспоминаній“.

Нельзя однако не остановиться на одномъ дѣлѣ, которое Мих. Ив. въ своихъ разсказахъ рѣзко ставилъ въ укоръ Бенедеку и за которое грѣхъ, по его мнѣнію остается всецѣло на душѣ и на совѣсти этого подведеннаго со всѣхъ сторонъ и растерявшагося „главнокомандующаго“.—Вотъ эта исторія.

А. Е. К.

(Окончаніе слѣдуетъ).

